

Анна БОССАРТ, обозреватель «Новой»

Настали холода, птицы улетели в жаркие страны, Александр же воротился зимовать домой: среди гор-рода есть там остров, называемый Васильевским. «Вот хорошо, что ты вернулся, Петрович», — сказала Анечка, — а то детки как раз подросли и спрашивают, кто это на картинке». И тогда Александр решил, что детей, мальчика и девочку, можно и пить, пора брать с собой в путешествие. Как брат его папа.

С тех пор как ездит с папой в экспедиции, Саша мало изменился. Хотя сейчас ему почти сорок, но выглядит он лет на четырнадцать: белобрысый, долго-вазый, розовощекий и странно утиный. Питер?! Такой весь хрупкий и по-ленинградскому слабобурый, что трудно вообразить, как такой пионер-герой ис-цагал своими тонкими ногами пол-Сибири.

— А понимаете, — говорит он, — дело в том (ничего, если я буду длинно рассказывать?), что все мои прежки были путеше-ственниками...

Дедушка Александра Войцеховского был полярик. Он умер в блокаду, и Саша его не знал. Но бабушка без конца рассказывала про дедушку, потому что продолжала его любить. Сашино детство прошло почти как у Обломова: на диване, рядом с ба-бушкой, однако бабушкины бы-лины не усадили его душу а, на-оборот, зажгли там небывалое любопытство и тягу к странст-венникам...

Шел 35-й год. И никаких, понятно, самолетов, поездом до Лены, а там по воде... Два меся-ца только добирался до этой бухты Тикси. И длилась эта по-лярная экспедиция не полтора месяца, как лгал юной бабушке

молодой дедушка, приглашая ее с собой, а полтора года. Да, ба-бушка была филологом, но не географом... Менять, впрочем, что-либо было уже поздно, лю-бовь пришла, и не только к де-душке-полярику, но и к Аркти-ке.

И все свое городское лет-ство, окруженное двором-коло-дцем, Саша слушал про северное сияние, про собачьи упряжки и про то, как скользят по зеленой воде плоскостонные кавки, обя-нутые кожей, нос в нос, и ба-бушка с дедушкой, оба-два, гре-бют каждый своим однопаст-ным веслом...

И Саша поклялся тогда себе, что умрет, а до Арктики доберется и заживет, как тунгус!

Отец Александра, Петр Войцеховский, — изыскатель. Специалист по проектировке дорог в диких местах. Можно сказать, профес-сиональный путешественник. Он стал брать сына в дикие места с того галкого лета, когда Саша, оказавшись в очередной раз в пи-онерлагере, так вдруг возненави-дел муравьиный язык этого со-общества, что сбегал. Мама (она врач) очень расстроилась. А папа сказал: «Вот молодец! Теперь я вижу, что можно брать тебя в экс-педиции». Саше как раз испол-нилось одиннадцать. Он уже знал, что другого его дедушку, ма-миного папу, расстреляли в 1937 году. Правда, он был не путеше-ственным, а просто инженер-ном-конструктором «катюш».

Ему шел тридцать второй год. А бабушка (мамина мама) сгинула в лагерь. Маму же с сестрами тет-кая, за день обьедаешь. Но от севера к югу Туву пересекают все кли-матические зоны. Начинали путь на оленях упряжках, а заканчи-вали в верблюжьем седле. Пусты-ни и тайга, озера и неприступные скалы... Сказка в колыбе гор. Саша — не буддист, но у него, православного христианина, есть своя Шамбала. Называется Гор-ная Тоджа. Земля там покрыта эдельвейсами, и облака плывут прямо по земле. Там живут ма-ленькие утонченные люди, похо-жие на японцев, с тонкими боро-дами, как буддийские монахи. Магнит души, место абсолютной свободы, единственное на земле.

И вот так Александр Войцеховский разви-л в себе навик двойной жизни. В кружке и экспедициях он был разумным, адекватным человеком и хорошим товари-щем. А в школе продолжал от-бывать репутацию идиота.

Потом, как ни странно, он успешно окончил медицинский институт и стал работать на «скорой помощи». Случалось, даже отнимал людей у смерти. Каждый вызов Саша восприни-мал как путешествие в несве-ломый край, и путь к возможному спасению (пусть не души, но тела) волновал его необычайно.

Об этом больном его предуд-рели, что к нему можно не спешить, чуть что — звонит: аст-матик. Успешно. Когда Саша во-шел в полдень, на дестинте сто-яли заплаканная женщина и дети с огромными глазами. И эта женщина сказала: «Доктор, вы опоздали». Парень лежал на полу синий и совсем мертвый. В эти часы доктор Войцеховский научился молиться. Руками де-лал, что полагается по профес-сии, помыслил же соединился с больным и горячо просил о по-мощи. И чудо произошло.

И происходило потом не раз. Вель неслучайно же он стал док-тором и ощутил небывалый вкус

для пионера Войцеховского Саша кружок, что с тех пор он не пропускал ни одного лета, чтобы не поехать в Сибирь. Вель наша родина в основном состоит из Сибири, страны повшенно-го разнообразия.

В Туве, на границе с Монго-лией, перел Сашей Войцехов-ским открылся новый мир архео-логии, где бесконечность време-ни намекает на бесконечность пространства и жизнь наполня-ется новым смыслом. Впрочем, путешествия Александра так ни-когда и не обрели научных це-лей. Цель у него была одна: смотреть и удивляться. В сущно-сти, это переросло в цель и даже смысл самой жизни. Что не ка-жется мне пустым и недостой-ным.

Надо отметить, что Алек-сандр был крутым двоенником. По всем буквально предметам, даже по географии. Он очень плохо воспринимал материал. Потому что думал о своем. Школьными психологами это трактовалось как асоциальное хулиганство.

В восьмом классе его оставили на второй год. Но он не остановило Александра, и он продолжал думать о своем, о времени и пространстве, о де-душках и странностях судьбы, об оленях и тунгусах, о северном сиянии и муравьях, о метеори-тах и горькой пылоте, которой пахнет ночная степь.

Впоследствии один прекра-сный ученый человек Алексей Павлович Крылов вновь привел Сашу в Туву. Там, в горах, учитель и оставил однажды свое сердце, хотя нес под конец жизни тихую службу в Ботаническом саду, ма-ло кому известный и мало кем при-знанный исследователь. Это он направлял удивленное внимание Саша Войцеховского, оживляя, одухотворяя волшебный край, ко-торый они вдвоем облазили вдоль и поперек. Тува-то вель малень-кая, за день обьедаешь. Но от севера к югу Туву пересекают все кли-матические зоны. Начинали путь на оленях упряжках, а заканчи-

вали в верблюжьем седле. Пусты-ни и тайга, озера и неприступные скалы... Сказка в колыбе гор. Саша — не буддист, но у него, православного христианина, есть своя Шамбала. Называется Гор-ная Тоджа. Земля там покрыта эдельвейсами, и облака плывут прямо по земле. Там живут ма-ленькие утонченные люди, похо-жие на японцев, с тонкими боро-дами, как буддийские монахи. Магнит души, место абсолютной свободы, единственное на земле.

И вот так Александр Войцеховский разви-л в себе навик двойной жизни. В кружке и экспедициях он был разумным, адекватным человеком и хорошим товари-щем. А в школе продолжал от-бывать репутацию идиота.

Потом, как ни странно, он успешно окончил медицинский институт и стал работать на «скорой помощи». Случалось, даже отнимал людей у смерти. Каждый вызов Саша восприни-мал как путешествие в несве-ломый край, и путь к возможному спасению (пусть не души, но тела) волновал его необычайно.

Об этом больном его предуд-рели, что к нему можно не спешить, чуть что — звонит: аст-матик. Успешно. Когда Саша во-шел в полдень, на дестинте сто-яли заплаканная женщина и дети с огромными глазами. И эта женщина сказала: «Доктор, вы опоздали». Парень лежал на полу синий и совсем мертвый. В эти часы доктор Войцеховский научился молиться. Руками де-лал, что полагается по профес-сии, помыслил же соединился с больным и горячо просил о по-мощи. И чудо произошло.

И происходило потом не раз. Вель неслучайно же он стал док-тором и ощутил небывалый вкус

Выгнал жену из дома

Ультиматум

спасения. Он вошел в клан спаса-телей. И понял, что доктор — это судьба. Но настал момент, когда параллели привычной двойной жизни пересеклись и возникло мучительное *пере-путье*. Ему уже не хочется прерывать процесс ри-сования картинок, чтобы идти на работу. Ах, а я разве не сказала? Да, да. Конечно. Он рисовал очень странные картинки. С длинными надписями, выраста-ющими в изображение, абсурдное и наивное, в сумме же — такой как бы микроспектакль...

Художник — наверное, боль-ше, чем судьба. Художник — это, наверное, то, что дает забыть о судьбе... Потому что хороший врач даже на досуге должен думать о своих больных. А Саша, как в школе, думает о другом. Совсем.

Рисовал Александр с восемнадцати лет. Опи-сывали друзья сказали ему: «А знаешь, Петрович (так на-зывали его друзья, а впоследствии жена и дети), ты не выкидывай свои картинки, а дари их лучше нам». И Саша стал дарить всем друзьям на все праздники свои картинки с надписями. А когда ему исполнилось двенадцать лет, друзья пригласили Петровича на одну выставку. И это, как вы догадываетесь, оказалась выставка его собственных работ, которые висели раньше в разных домах го-рода Питера.

Он ходил по этой выставке, смотрел на свои картинки как бы со стороны — и они ему нра-вились. И он подумал: «А может, я художник? Вообще!». Там, в ДК именно что Связи, Александр познакомился с художницей Аней Флоренской. Ей было девятнадцать лет. Нетрудно было заподозрить, что Аня состо-ит в родстве со знаменитыми митками, а именно она была как

раз сестрой Саша Флоренского, художника замечательного и очень близкого по духу нашему Александру. Но по рассеянности Александр ни о чем не догадался, да он митков, в общем, и не знал. Вель жил он совсем в дру-гом мире. И невесту свою, ба-рышню почтенного художествен-ного митковского рода, он по-вез, конечно, именно туда — в Шамбалу, где земля покрыта эдельвейсами, а облака плывут прямо по земле. Там Анечка по-няла, что ей назначено много стра-дать в одиночестве, потому что душа Петровича бу-дет сидеть сюда. И его не удержи-

А перед этим она поехала с ним на Валаам. Собирались целая команда, но на причал пришла одна Анечка. И это было настоя-щим чудом, потому что после Ва-лаама они уже не расставались — ну разве ненадолго.

А, допустим, мог ли Саша быть митком? Нет. И вот поче-му. Митки — группа: с истори-ей, мифологией, структурой. Саша Войцеховский — одиноч-ка. Странник. Его история — это скорее география. Его ми-фология — не в нем, а в том, что им нарисовано.

Что же им нарисовано? Что это? Карикатура? Или ирониче-ская графика? Или графический рассказ? Как это нам называть и классифицировать? Не знаю. Саша тоже. Он вообще, когда си-дится рисовать, не знает, что по-лучится. Что это будет? То есть он не имеет замысла и идеи. Так, что-то вель... нечто... Он вообще не знает, что вот сейчас образует-ся: рука, нога или, может быть, — клно? И бывает порой изумлен.

Когда же рождается картинка — как спектакль, на глазах не только у зрителя, но и у автора, автор знакомится с ней... И ему почему-то не терпится написать о том, что он узнал. Хорошо сказал Александр Алабашиян: «Только объединившись и потеряв само-стоятельность, слова и изображе-ние эту самостоятельность, инди-видуальность и приобретают. Вроде как замок и ключ к нему — сами по себе они могут представ-лять ценность, скажем, истори-ческую или механическую, но за-переть или открыть что-нибудь могут только вместе. Александр Войцеховский открывает свой мир, ни на что не похожий...».

Откуда, допустим, взялся этот ворон в пальто и шляпе на петербургском мосту и о чем он говорит этим странным личностям с соба-чьими профилями, закутаным в шубы и капоры? «Отставной ад-мирал отчитывает обывателей. Обыватели: «Этот адмирал обяза-тельно выберет какое-нибудь воз-вышение, чтобы говорить свои глупости». «Да еще таким тоном».

Откуда ты это взял, хочется спросить, тихий, малопыющий человек? «Ну просто я достовер-но знаю, что там происходит...».

Били и те, и другие. Свой единственный альбом, который помогли ему делать многие и

многие друзья, Александр посвя-тил памяти Алексея Павловича Крылова, учителя и друга на длинных переходах вьюмом, на диких ночевках; исследователя и путешественника — друга, испы-танного испытаниями. Вот он: «Охотник подходит к заветному дуплу».

Но били и друзья, с кото-рыми встретился раз в жизни. Что-то притягивало, как охотников, подходивших с разных сторон к заветному дуплу, — вернее, втягивало туда, внутрь, нечто заветное, понятное обоим...

Ирония Войцеховского сугубо позитивна. Он нежный изобретатель смешного и отчасти грустного мира, лишенный сарказма. Муравей, ухаживший носом и хвостом за поле картинки: «Мой бес-конечный друг...».

Негативный образ мира чужд ему. Даже если этот мирок страдал и плачет. По-тому что жизнь беспокоит его. И это, как поется в песне, взаимно. Он, Саша Войцеховский, в свою очередь, беспокоит жизнь. Люди пленяются им. Почему? «А поче-му бы и нет? — просто душно спрашивает он. — Если человек вызывает у меня симпатию, что ему мешало испытать то же?».

Дружба, говорит он, тонкая вещь. Не обязательно друг тот, с которым пройден огонь и воду, и пуд соли, и все такое. Друг же тот, кто просто что-то поймет, что-то между вами мелькнет волшебное...

Били и те, и другие. Свой единственный альбом, который помогли ему делать многие и

многие друзья, Александр посвя-тил памяти Алексея Павловича Крылова, учителя и друга на длинных переходах вьюмом, на диких ночевках; исследователя и путешественника — друга, испы-танного испытаниями. Вот он: «Охотник подходит к заветному дуплу».

Но били и друзья, с кото-рыми встретился раз в жизни. Что-то притягивало, как охотников, подходивших с разных сторон к заветному дуплу, — вернее, втягивало туда, внутрь, нечто заветное, понятное обоим...

Ирония Войцеховского сугубо позитивна. Он нежный изобретатель смешного и отчасти грустного мира, лишенный сарказма. Муравей, ухаживший носом и хвостом за поле картинки: «Мой бес-конечный друг...».

Негативный образ мира чужд ему. Даже если этот мирок страдал и плачет. По-тому что жизнь беспокоит его. И это, как поется в песне, взаимно. Он, Саша Войцеховский, в свою очередь, беспокоит жизнь. Люди пленяются им. Почему? «А поче-му бы и нет? — просто душно спрашивает он. — Если человек вызывает у меня симпатию, что ему мешало испытать то же?».

Дружба, говорит он, тонкая вещь. Не обязательно друг тот, с которым пройден огонь и воду, и пуд соли, и все такое. Друг же тот, кто просто что-то поймет, что-то между вами мелькнет волшебное...

Били и те, и другие. Свой единственный альбом, который помогли ему делать многие и

Его жизнь — это скорее география. Его мифология — не в нем, а в том, что им нарисовано

многие друзья, Александр посвя-тил памяти Алексея Павловича Крылова, учителя и друга на длинных переходах вьюмом, на диких ночевках; исследователя и путешественника — друга, испы-танного испытаниями. Вот он: «Охотник подходит к заветному дуплу».

Но били и друзья, с кото-рыми встретился раз в жизни. Что-то притягивало, как охотников, подходивших с разных сторон к заветному дуплу, — вернее, втягивало туда, внутрь, нечто заветное, понятное обоим...

Ирония Войцеховского сугубо позитивна. Он нежный изобретатель смешного и отчасти грустного мира, лишенный сарказма. Муравей, ухаживший носом и хвостом за поле картинки: «Мой бес-конечный друг...».

Негативный образ мира чужд ему. Даже если этот мирок страдал и плачет. По-тому что жизнь беспокоит его. И это, как поется в песне, взаимно. Он, Саша Войцеховский, в свою очередь, беспокоит жизнь. Люди пленяются им. Почему? «А поче-му бы и нет? — просто душно спрашивает он. — Если человек вызывает у меня симпатию, что ему мешало испытать то же?».

Дружба, говорит он, тонкая вещь. Не обязательно друг тот, с которым пройден огонь и воду, и пуд соли, и все такое. Друг же тот, кто просто что-то поймет, что-то между вами мелькнет волшебное...

Били и те, и другие. Свой единственный альбом, который помогли ему делать многие и

многие друзья, Александр посвя-тил памяти Алексея Павловича Крылова, учителя и друга на длинных переходах вьюмом, на диких ночевках; исследователя и путешественника — друга, испы-танного испытаниями. Вот он: «Охотник подходит к заветному дуплу».

Но били и друзья, с кото-рыми встретился раз в жизни. Что-то притягивало, как охотников, подходивших с разных сторон к заветному дуплу, — вернее, втягивало туда, внутрь, нечто заветное, понятное обоим...

Ирония Войцеховского сугубо позитивна. Он нежный изобретатель смешного и отчасти грустного мира, лишенный сарказма. Муравей, ухаживший носом и хвостом за поле картинки: «Мой бес-конечный друг...».

Негативный образ мира чужд ему. Даже если этот мирок страдал и плачет. По-тому что жизнь беспокоит его. И это, как поется в песне, взаимно. Он, Саша Войцеховский, в свою очередь, беспокоит жизнь. Люди пленяются им. Почему? «А поче-му бы и нет? — просто душно спрашивает он. — Если человек вызывает у меня симпатию, что ему мешало испытать то же?».

Дружба, говорит он, тонкая вещь. Не обязательно друг тот, с которым пройден огонь и воду, и пуд соли, и все такое. Друг же тот, кто просто что-то поймет, что-то между вами мелькнет волшебное...

Били и те, и другие. Свой единственный альбом, который помогли ему делать многие и

многие друзья, Александр посвя-тил памяти Алексея Павловича Крылова, учителя и друга на длинных переходах вьюмом, на диких ночевках; исследователя и путешественника — друга, испы-танного испытаниями. Вот он: «Охотник подходит к заветному дуплу».

Но били и друзья, с кото-рыми встретился раз в жизни. Что-то притягивало, как охотников, подходивших с разных сторон к заветному дуплу, — вернее, втягивало туда, внутрь, нечто заветное, понятное обоим...

Ирония Войцеховского сугубо позитивна. Он нежный изобретатель смешного и отчасти грустного мира, лишенный сарказма. Муравей, ухаживший носом и хвостом за поле картинки: «Мой бес-конечный друг...».

Негативный образ мира чужд ему. Даже если этот мирок страдал и плачет. По-тому что жизнь беспокоит его. И это, как поется в песне, взаимно. Он, Саша Войцеховский, в свою очередь, беспокоит жизнь. Люди пленяются им. Почему? «А поче-му бы и нет? — просто душно спрашивает он. — Если человек вызывает у меня симпатию, что ему мешало испытать то же?».

Дружба, говорит он, тонкая вещь. Не обязательно друг тот, с которым пройден огонь и воду, и пуд соли, и все такое. Друг же тот, кто просто что-то поймет, что-то между вами мелькнет волшебное...

Били и те, и другие. Свой единственный альбом, который помогли ему делать многие и

многие друзья, Александр посвя-тил памяти Алексея Павловича Крылова, учителя и друга на длинных переходах вьюмом, на диких ночевках; исследователя и путешественника — друга, испы-танного испытаниями. Вот он: «Охотник подходит к заветному дуплу».

Но били и друзья, с кото-рыми встретился раз в жизни. Что-то притягивало, как охотников, подходивших с разных сторон к заветному дуплу, — вернее, втягивало туда, внутрь, нечто заветное, понятное обоим...

Ирония Войцеховского сугубо позитивна. Он нежный изобретатель смешного и отчасти грустного мира, лишенный сарказма. Муравей, ухаживший носом и хвостом за поле картинки: «Мой бес-конечный друг...».

Негативный образ мира чужд ему. Даже если этот мирок страдал и плачет. По-тому что жизнь беспокоит его. И это, как поется в песне, взаимно. Он, Саша Войцеховский, в свою очередь, беспокоит жизнь. Люди пленяются им. Почему? «А поче-му бы и нет? — просто душно спрашивает он. — Если человек вызывает у меня симпатию, что ему мешало испытать то же?».

Дружба, говорит он, тонкая вещь. Не обязательно друг тот, с которым пройден огонь и воду, и пуд соли, и все такое. Друг же тот, кто просто что-то поймет, что-то между вами мелькнет волшебное...

Били и те, и другие. Свой единственный альбом, который помогли ему делать многие и

многие друзья, Александр посвя-тил памяти Алексея Павловича Крылова, учителя и друга на длинных переходах вьюмом, на диких ночевках; исследователя и путешественника — друга, испы-танного испытаниями. Вот он: «Охотник подходит к заветному дуплу».

Но били и друзья, с кото-рыми встретился раз в жизни. Что-то притягивало, как охотников, подходивших с разных сторон к заветному дуплу, — вернее, втягивало туда, внутрь, нечто заветное, понятное обоим...

Ирония Войцеховского сугубо позитивна. Он нежный изобретатель смешного и отчасти грустного мира, лишенный сарказма. Муравей, ухаживший носом и хвостом за поле картинки: «Мой бес-конечный друг...».

Негативный образ мира чужд ему. Даже если этот мирок страдал и плачет. По-тому что жизнь беспокоит его. И это, как поется в песне, взаимно. Он, Саша Войцеховский, в свою очередь, беспокоит жизнь. Люди пленяются им. Почему? «А поче-му бы и нет? — просто душно спрашивает он. — Если человек вызывает у меня симпатию, что ему мешало испытать то же?».

Дружба, говорит он, тонкая вещь. Не обязательно друг тот, с которым пройден огонь и воду, и пуд соли, и все такое. Друг же тот, кто просто что-то поймет, что-то между вами мелькнет волшебное...

Били и те, и другие. Свой единственный альбом, который помогли ему делать многие и

многие друзья, Александр посвя-тил памяти Алексея Павловича Крылова, учителя и друга на длинных переходах вьюмом, на диких ночевках; исследователя и путешественника — друга, испы-танного испытаниями. Вот он: «Охотник подходит к заветному дуплу».

Но били и друзья, с кото-рыми встретился раз в жизни. Что-то притягивало, как охотников, подходивших с разных сторон к заветному дуплу, — вернее, втягивало туда, внутрь, нечто заветное, понятное обоим...

Ирония Войцеховского сугубо позитивна. Он нежный изобретатель смешного и отчасти грустного мира, лишенный сарказма. Муравей, ухаживший носом и хвостом за поле картинки: «Мой бес-конечный друг...».

Негативный образ мира чужд ему. Даже если этот мирок страдал и плачет. По-тому что жизнь беспокоит его. И это, как поется в песне, взаимно. Он, Саша Войцеховский, в свою очередь, беспокоит жизнь. Люди пленяются им. Почему? «А поче-му бы и нет? — просто душно спрашивает он. — Если человек вызывает у меня симпатию, что ему мешало испытать то же?».

Дружба, говорит он, тонкая вещь. Не обязательно друг тот, с которым пройден огонь и воду, и пуд соли, и все такое. Друг же тот, кто просто что-то поймет, что-то между вами мелькнет волшебное...

Били и те, и другие. Свой единственный альбом, который помогли ему делать многие и

многие друзья, Александр посвя-тил памяти Алексея Павловича Крылова, учителя и друга на длинных переходах вьюмом, на диких ночевках; исследователя и путешественника — друга, испы-танного испытаниями. Вот он: «Охотник подходит к заветному дуплу».

Но били и друзья, с кото-рыми встретился раз в жизни. Что-то притягивало, как охотников, подходивших с разных сторон к заветному дуплу, — вернее, втягивало туда, внутрь, нечто заветное, понятное обоим...

Ирония Войцеховского сугубо позитивна. Он нежный изобретатель смешного и отчасти грустного мира, лишенный сарказма. Муравей, ухаживший носом и хвостом за поле картинки: «Мой бес-конечный друг...».

Негативный образ мира чужд ему. Даже если этот мирок страдал и плачет. По-тому что жизнь беспокоит его. И это, как поется в песне, взаимно. Он, Саша Войцеховский, в свою очередь, беспокоит жизнь. Люди пленяются им. Почему? «А поче-му бы и нет? — просто душно спрашивает он. — Если человек вызывает у меня симпатию, что ему мешало испытать то же?».

Дружба, говорит он, тонкая вещь. Не обязательно друг тот, с которым пройден огонь и воду, и пуд соли, и все такое. Друг же тот, кто просто что-то поймет, что-то между вами мелькнет волшебное...

Били и те, и другие. Свой единственный альбом, который помогли ему делать многие и

многие друзья, Александр посвя-тил памяти Алексея Павловича Крылова, учителя и друга на длинных переходах вьюмом, на диких ночевках; исследователя и путешественника — друга, испы-танного испытаниями. Вот он: «Охотник подходит к заветному дуплу».

Но били и друзья, с кото-рыми встретился раз в жизни. Что-то притягивало, как охотников, подходивших с разных сторон к заветному дуплу, — вернее, втягивало туда, внутрь, нечто заветное, понятное обоим...

Ирония Войцеховского сугубо позитивна. Он нежный изобретатель смешного и отчасти грустного мира, лишенный сарказма. Муравей, ухаживший носом и хвостом за поле картинки: «Мой бес-конечный друг...».

Негативный образ мира чужд ему. Даже если этот мирок страдал и плачет. По-тому что жизнь беспокоит его. И это, как поется в песне, взаимно. Он, Саша Войцеховский, в свою очередь, беспокоит жизнь. Люди пленяются им. Почему? «А поче-му бы и нет? — просто душно спрашивает он. — Если человек вызывает у меня симпатию, что ему мешало испытать то же?».

Дружба, говорит он, тонкая вещь. Не обязательно друг тот, с которым пройден огонь и воду, и пуд соли, и все такое. Друг же тот, кто просто что-то поймет, что-то между вами мелькнет волшебное...

Били и те, и другие. Свой единственный альбом, который помогли ему делать многие и

многие друзья, Александр посвя-тил памяти Алексея Павловича Крылова, учителя и друга на длинных переходах вьюмом, на диких ночевках; исследователя и путешественника — друга, испы-танного испытаниями. Вот он: «Охотник подходит к заветному дуплу».

Но били и друзья, с кото-рыми встретился раз в жизни. Что-то притягивало, как охотников, подходивших с разных сторон к заветному дуплу, — вернее, втягивало туда, внутрь, нечто заветное, понятное обоим...

Ирония Войцеховского сугубо позитивна. Он нежный изобретатель смешного и отчасти грустного мира, лишенный сарказма. Муравей, ухаживший носом и хвостом за поле картинки: «Мой бес-конечный друг...».

Негативный образ мира чужд ему. Даже если этот мирок страдал и плачет. По-тому что жизнь беспокоит его. И это, как поется в песне, взаимно. Он, Саша Войцеховский, в свою очередь, беспокоит жизнь. Люди пленяются им. Почему? «А поче-му бы и нет? — просто душно спрашивает он. — Если человек вызывает у меня симпатию, что ему мешало испытать то же?».

Дружба, говорит он, тонкая вещь. Не обязательно друг тот, с которым пройден огонь и воду, и пуд соли, и все такое. Друг же тот, кто просто что-то поймет, что-то между вами мелькнет волшебное...

Били и те, и другие. Свой единственный альбом, который помогли ему делать многие и

многие друзья, Александр посвя-тил памяти Алексея Павловича Крылова, учителя и друга на длинных переходах вьюмом, на диких ночевках; исследователя и путешественника — друга, испы-танного испытаниями. Вот он: «Охотник подходит к заветному дуплу».

Но били и друзья, с кото-рыми встретился раз в жизни. Что-то притягивало, как охотников, подходивших с разных сторон к заветному дуплу, — вернее, втягивало туда, внутрь, нечто заветное, понятное обоим...

Ирония Войцеховского сугубо позитивна. Он нежный изобретатель смешного и отчасти грустного мира, лишенный сарказма. Муравей, ухаживший носом и хвостом за поле картинки: «Мой бес-конечный друг...».

Негативный образ мира чужд ему. Даже если этот мирок страдал и плачет. По-тому что жизнь беспокоит его. И это, как поется в песне, взаимно. Он, Саша Войцеховский, в свою очередь, беспокоит жизнь. Люди пленяются им. Почему? «А поче-му бы и нет? — просто душно спрашивает он. — Если человек вызывает у меня симпатию, что ему мешало испытать то же?».

Дружба, говорит он, тонкая вещь